

Гу Линь, на чьём лице всё ещё играла улыбка, невольно застыл. Он с недоумением окинул взглядом Линь Вэньгуана, разодетого как типичный прожигатель жизни, и про себя усмехнулся: любому зрячему ясно, что он и Юань Ин — одного поля ягоды, оба пассивные, откуда же взялась эта фраза в духе махрового натурала?

Юань Ин не заметил, насколько неловкой стала атмосфера, и машинально поправил этого не слишком сильного в словесности богатого наследника:

— Какие супруги? Мы братья!

В ту же секунду, как слова сорвались с языка, Линь Вэньгану захотелось отвесить себе пощёчину. Ухватившись за предложенную Юань Ином возможность исправиться, он выдавил из себя смешок:

— Да-да, конечно, братья. Оговорился.

Сам же он, засмотревшись на сплетни, совсем потерял голову. Как он мог счесть Юань Ина и объект слухов Ци Шаоцзюня парой? И всё же, судя по взгляду старого Ци, ему показалось, что тот ревнует вовсе не из-за этого юного артиста?

Пока прямолинейный Линь Вэньган ломал голову над гейским любовным треугольником, музыка в зале внезапно сменилась, и свет погас.

Луч прожектора упал на сцену в центре зала. Официанты, разбившись на группы, начали провожать гостей к центру.

У Юань Ина была куриная слепота. Если для обычного человека при таком освещении окружающие препятствия были ещё различимы, то перед его глазами будто опустили занавес — сплошная темнота. Он тихо позвал:

— Брат Линь, — надеясь, что Гу Линь подаст ему руку. Но музыка, ритм которой становился всё быстрее, заглушила его голос, и шагавший впереди Гу Линь не заметил, что с ним что-то не так.

Юань Ин, словно слепой котёнок, нащупывал путь вокруг себя, как вдруг оступился и врезался в чью-то твёрдую грудь.

— Осторожнее, — раздался над головой холодный мужской голос.

Юань Ин поднял голову и, широко открыв глаза, попытался разглядеть тёмный силуэт наверху. Он неуверенно произнёс:

— Брат Шаоцзюнь?

Ци Шаоцзюнь не ответил. Он нахмурился, вглядываясь в глаза юноши, и, понаблюдав

мгновение, тихо спросил:

— Не видишь?

Юань Ин, опираясь на его руку, выпрямился и моргнул, пытаясь разглядеть обстановку:

— Немного темно. Пожалуй, попрошу официанта проводить меня.

В тумане он различал лишь светлячки огней — должно быть, это были распорядители, указывающие путь.

Ци Шаоцзюнь помолчал, затем протянул руку и схватил Юань Ина, который уже собрался идти вслепую:

— Иди за мной.

Юань Ин отозвался коротким — Эй, — и, почувствовав, как его ладонь оказалась в руке Ци Шаоцзюня, нетвёрдой походкой двинулся следом.

Ци Шаоцзюнь вёл его вперёд. Его ладонь слегка вспотела от напряжения, однако внешне он оставался невозмутимым, как всегда. Заметив, что Юань Ин идёт с трудом, он незаметно замедлил шаг, ведя его к центру со скоростью прогулочного шага.

Когда они добрались до центра, стало гораздо светлее, и зрение Юань Ина немного восстановилось. Он высвободил руку из ладони Ци Шаоцзюня и тихо произнёс:

— Брат Шаоцзюнь, я уже вижу. Спасибо тебе.

Ци Шаоцзюнь небрежно разжал пальцы и, даже не взглянув на Юань Ина, глухо бросил:

— Впредь на подобных мероприятиях просто сиди на одном месте.

Сказав это, он отошёл подальше, словно стараясь отгородиться от Юань Ина.

Юань Ин смотрел ему вслед, чувствуя растерянность. Этот сердитый тон — он что, недоволен тем, что с ним столько хлопот?

Тем временем Гу Линь, дошедший до самой толпы, наконец заметил, что Юань Ин отстал. Он долго ждал, и когда увидел, как те двое приближаются из темноты, держась за руки, его сердце сжалось. Рука, которую он уже было поднял, чтобы помахать Юань Ину, безвольно опустилась. Он отвернулся к сцене, перестав искать глазами потерявшегося знакомого.

Юань Ин немного побродил в толпе, пока наконец не увидел профиль Гу Линя. Но тот стоял в самом центре, ведущий уже вышел на сцену, и пробираться туда было бы невежливо. Юань Ин

отступил на окраину и, привстав на цыпочки, стал слушать представление.

Он и не подозревал, что с другой стороны толпы Ци Шаоцзюнь украдкой поглядывает на него.

— В будущем оборудуйте в зале аукциона сидячие места.

— Что? — Линь Вэньгуан, только что подошедший к Ци Шаоцзюню, опешил. — Аукцион длится всего десять минут.

Ци Шаоцзюнь бросил взгляд на одну даму в восьмисантиметровых каблуках, которая незаметно разминала ногу:

— Всегда найдутся те, кому это неудобно.

Заметив, куда он смотрит, Линь Вэньгуан хмыкнул и с любопытством подколот друга:

— Ну надо же, такая забота! Даже такие мелочи приметил?

Ци Шаоцзюнь не удостоил его шутку ответом:

— Аукцион начинается.

Линь Вэньгуан, не добившись реакции, переключил внимание на сцену.

Госпожа Линь основательно подготовилась к этому благотворительному вечеру, задействовав все свои связи. Качество лотов было исключительным, она даже выставила на торги вещь из личной коллекции. За многие лоты развернулась нешуточная борьба, цены на них превышали пять миллионов. После такой подготовки ожидания знати достигли предела. Наконец, ведущий загадочно улыбнулся и пригласил на сцену саму госпожу Линь, блиставшую в драгоценностях.

В зале зашептались: раз уж госпожа Линь вышла лично, значит, этот лот куда ценнее всех предыдущих.

Увидев предвкушение в глазах гостей, госпожа Линь улыбнулась, изящным жестом призвала всех к тишине и мягко произнесла:

— Благодарю всех за поддержку. Этот завершающий лот — работа восходящей звезды, художника, в чей талант я искренне верю. Он живёт в стране R, ему едва за двадцать, но его мастерское владение цветом и богатое воображение уже заслужили похвалу многих мировых мэтров. Я сама в полном восторге от его творчества. Узнав, что он недавно вернулся в страну Z, я решилась на смелый шаг: сделать его работу финальным аккордом нашего благотворительного вечера и представить вам этого гения живописи.

Услышав это, Ци Шаоцзюнь невольно снова взглянул на юношу в углу толпы. Его взгляд был

полон противоречий.

Слова госпожи Линь прямо указывали на того самого юношу, которого он знал. Хотя он старался игнорировать этот факт, он понимал, что Юань Ин уже приобрёл известность в профессиональных кругах. Но он никак не ожидал, что здесь, на родине, у него найдутся такие влиятельные поклонники, как госпожа Линь.

Юань Ин, которого не переставали осыпать комплиментами, ужасно нервничал. Когда госпожа Линь пригласила его, она не говорила, что его работа будет финальным лотом. Не увидев её среди выставленных предметов ранее, он думал, что её либо убрали, либо приберегли напоследок, но он и представить не мог, что сценарий наделит его ролью такого значимого персонажа.

— Мы пока сохраним в тайне, присутствует ли автор лично, а сейчас взглянем на саму картину, — госпожа Линь подала знак, и сотрудники выкатили на сцену лот, накрытый красной тканью. Зазвучала интригующая барабанная дробь. Под напевный голос госпожи Линь её ухоженная рука наконец сдёрнула ткань.

Луч прожектора ударил в изящную раму, и картина предстала перед публикой.

Это было полотно в ярких, насыщенных тонах.

Огромные пятна тёплых цветов создавали ощущение взгляда, устремлённого со дна океана в небо. Края картины были залиты теплом, а в центре, среди различных оттенков оранжевого и красного, выделялось крошечное синее пятнышко — словно слабый, призрачный человеческий силуэт.

— Название этой работы — Погоня за светом. Стартовая цена — пять миллионов.

В зале поднялся гул. Даже за работы именитых мастеров просили не больше двух миллионов. Какими заслугами обладал этот никому не известный Юань Ин, чтобы начинать с пяти?

Ситуация зашла в тупик, никто не решался сделать ставку.

— Пять миллионов сто тысяч.

Пока люди молча переглядывались, в толпе раздался голос.

Юань Ин, смущённо краснея, поднял голову и увидел Гу Линя, который поднял руку и смотрел прямо на него. Гу Линь заметил его взгляд и улыбнулся, хотя улыбка вышла довольно сдержанной. Юань Ин был тронут: днём он упоминал Гу Линю, что его картина Погоня за светом будет выставлена на аукцион, и тот обещал поддержать его. Теперь он действительно сдержал слово — настоящий добрый человек.

Благодаря Гу Линю остальные тоже обратили внимание на Юань Ина, стоявшего на краю. По толпе поползли шепотки: неужели он и есть автор? Взгляды скрестились на нём. Даже если эти самопровозглашённые аристократы старались быть вежливыми, Юань Ину было не по себе от такого пристального внимания. Он опустил глаза и, не обращая внимания на перешёптывания, прошептал системе 004:

— Хорошо, что брат Линь помог, иначе я бы подвёл госпожу Линь.

Он помнил, что цель аукциона — благотворительность.

— Мяу, да эти люди просто ничего не смыслят! Твоя картина прошла сертификацию главной системы! — возмущался 004. — И вообще, добавлять всего сто тысяч — это так мелко! Предыдущие участники повышали ставки по пятьсот тысяч.

— Ситуация другая!

Юань Ин говорил это вслух, но про себя уже решил, что если Гу Линь действительно выкупит картину, он найдёт способ вернуть ему деньги.

Он помнил, что брат Линь пока лишь начинающий артист, и пять миллионов сто тысяч для него — огромная сумма.

С подачи Гу Линя толпа, как спокойное озеро, в которое бросили камень, начала понемногу делать ставки. Однако, возможно, потому что Гу Линь задал не самый высокий темп, шаги повышения были не такими щедрыми, как раньше.

Выражение лица госпожи Линь стало недовольным. Она так расхваливала художника, а эти богачи всё равно не проявляют должного рвения. Впрочем, так даже лучше — она сама сможет заполучить ещё одну работу господина Юаня в свою коллекцию!

Подумав так, она подала знак сыну, стоявшему внизу, и незаметно показала единицу.

Линь Вэньгуан, поняв сигнал, согласно кивнул и тоже вступил в торги.

Ци Шаоцзюнь, стоявший рядом с ним, долго смотрел на картину, словно очнувшись от транса. Услышав ставки, он нахмурился, явно замечая, с каким пренебрежением все относятся к этой работе.

Для кучки так называемой элиты, лишённой чувства прекрасного, картина неизвестного автора с туманным названием не представляла никакой ценности. Они не понимали смысла, заложенного в полотне, и не хотели рисковать, вкладываясь в «гения живописи», чьё будущее было под вопросом.

Когда цена за картину Юань Ина достигла шести миллионов, желающих торговаться стало

меньше. Как раз когда Линь Вэньгуан уже решил, что заберёт её за шесть миллионов пятьсот тысяч, в зале внезапно появился конкурент, предложивший на десять тысяч больше.

Линь Вэньгуан взглянул на соперника — тот с победным видом закатил глаза и показал ту же «единицу», что и госпожа Линь.

— Вот же гад! — Линь Вэньгуан стиснул зубы. На этот благотворительный вечер пригласили даже его недруга, молодого господина Ши. Он с досадой выкрикнул ставку на сто тысяч выше, но соперник лениво накинул свои десять тысяч — минимально допустимый шаг.

Заметив их противостояние, остальные предпочли не вмешиваться. Вскоре в зале остались лишь раздражённые выкрики Линь Вэньгуана и небрежные ответы его оппонента.

Юань Ин чувствовал себя крайне неловко, а Юань 004 рядом негодовал:

— Они превратили твою работу в инструмент для сведения счётов! Это же полное неуважение!

— Тридцать миллионов.

Холодный, пробирающий до костей мужской голос прервал этот фарс.

Линь Вэньгуан и молодой господин Ши, только что дошедшие до восьми миллионов, застыли и разом обернулись к говорившему.

В полумраке зала высокая фигура мужчины отбрасывала длинную тень. Его мрачный взгляд, холодный, как лёд, медленно скользнул по обоим спорщикам, не проявлявшим ни капли уважения к произведению искусства.

Молодой господин Ши, вошедший в раж из-за борьбы с Линь Вэньгуаном, машинально выпалил:

— Тридцать миллионов десять тысяч.

— Сорок миллионов.

Мужчина с подавляющей аурой, почти не задумываясь, назвал новую цену.

Молодой господин Ши под ледяным, давящим взглядом словно провалился в антарктический ледник. На этот раз он плотно сжал губы, не смея произнести ни слова.

Госпожа Линь на сцене прищурилась, отступила в тень и вернула микрофон ведущему.

Увидев столь впечатляющий финал торгов, ведущий в возбуждении поднял молоток и воскликнул:

— Тридцать миллионов — раз!

— Тридцать миллионов — два!

— Тридцать миллионов — три!

— Продано!

<http://bllate.org/book/21596/2226485>